

ПРАВО В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИЙ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ И РАЗВИТИЯ. К 100-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается процесс смены дореволюционной системы правовых отношений и институтов на новый правовой порядок, основной целью которого было закрепить новое состояние власти, установившееся в России после октября 1917 г. Главная исследовательская задача — выявить принципиальные, базовые закономерности развития права в период революций на основе российского опыта.

Подчеркивается, что на начальном этапе революции происходило смешение старых правовых форм с новыми, старое право продолжало существовать в юридической практике. Даже в условиях радикально быстрых изменений невозможно провести преобразования одновременно и повсеместно. Какое-то время действует сила инерции, когда продолжают действовать старые государственно-правовые формы.

Обосновывается ряд основных концептуальных положений. Во-первых, законодательство на первом этапе революции отражает первостепенные политические устремления власти на закрепление и легитимацию политического успеха, поэтому отличается скоростью принятия, не обладает системностью и последовательностью, предназначено в основном для чрезвычайных органов, его исполняющих. Во-вторых, правовые нормы носят классовый характер, для них характерны классовый ригоризм и революционная целесообразность, синонимом которой выступает революционная законность. В-третьих, революционная целесообразность фатально приводит к чрезмерной роли и значимости чрезвычайных органов, что ведет к их произвольным действиям и массовым злоупотреблениям правом на репрессию. В-четвертых, советская модель правосудия в определении ее задач, принципов судоустройства и функционирования, осуществления карательной политики соответствовала модели советского государства. Определяющей ее функцией в этой модели была функция реализации политической доктрины юридическими средствами и охранительная функция системы.

Все явления в правовой сфере России рассматриваются в период от октября 1917 г. до конца 1920 г.

Ключевые слова: революция, власть, политическая доктрина, право, закон, легитимность, правовая теория, правовая революция, революционная целесообразность, революционное правосознание, революционное нормотворчество, революционное правосудие, террор, чрезвычайные органы, чрезвычайное законодательство.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.146.1.144-158

© Никулин В. В., 2019

* Никулин Виктор Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Тамбовского государственного технического университета (ТГТУ)
victor.nikulin@mail.ru
393023, Россия, г. Тамбов, ул. Пионерская, д. 5

ВВЕДЕНИЕ

Любые крупные революционные движения знаменуют собой завершение определенного периода социального развития. Форма социальных реформаций при этом может быть как эволюционной, так и принудительно-взрывной. Взрывное, принудительное качественное изменение означает радикальную ломку старого во всех его проявлениях. Изменения в период революции всегда носят системный характер и включают в себя два обязательных элемента: создание новой системы публичного управления и новой системы правовых отношений и институтов. В результате институциональное поле публичного управления и права страны коренным образом меняются, новая система власти и управления отвечает целям и идеалам революции. Подобные трансформации происходили, например, в ходе Французской революции 1789 г., когда в первую очередь была заменена прежняя система законодательства, отправления правосудия и вынесения судебных решений. Декларация прав человека и гражданина 26 августа 1789 г., а затем и Конституция 1791 г. принципиально изменили государственно-правовую систему страны¹. Аналогичный процесс наблюдался в российской революции 1917 г. Февральская революция по форме изменений была, безусловно, эволюционной, отменив лишь акты, касающиеся прав и компетенции власти монарха, тем самым разрушив монархическую форму правления и оставив прежнюю правовую систему². Большевики в октябре 1917 г. избрали принудительно-взрывную форму качественных изменений, решительным образом отказались от прежней правовой системы. Декрет о суде № 1 официально отменял дореволюционное российское право, его теории и ценности провозглашались враждебными и решительно отвергались³. Этот акт рассматривался большевиками как ликвидация старого Российского государства, полный разрыв с прежним государственным устройством и прежней правовой системой.

С точки зрения фактических событий и юридической практики это не означало, что дореволюционное российское право было заменено

но новым одномоментно и в полном объеме. На начальном этапе революции происходило смешение старых форм с новыми, старое право продолжало существовать в юридической практике. Даже в условиях радикальных быстрых изменений невозможно провести преобразования сразу и повсеместно. Какое-то время по инерции продолжают действовать старые государственно-правовые формы. Так, во многих губерниях России в течение многих месяцев после октября 1917 г. суды продолжали выносить решения на основе дореволюционного права, правомочными оставались решения сельских сходов, шариатских судов и других дореволюционных юридических институтов. Такое состояние вполне вписывается в логику революции.

Понятие «революция» следует рассматривать не как короткий период насильственных действий в отношении старой власти, но как длительный этап, в течение которого новая система укореняется и становится жизнеспособной. В данном контексте в России понадобился определенный исторический период для смены прежней государственно-правовой идеологии и системы на новую. По мнению русского социолога П. Сорокина, революция есть болезненный процесс, проходящий в своем развитии три фазы. Первая — кратковременная фаза радости и ожидания. Вторая — деструктивная, когда искореняются старые порядки, зачастую вместе с их носителями. Третья — созидательная, в процессе которой в значительной степени реанимируются самые стойкие дореволюционные ценности и институты⁴. В российской революции отчетливо выделяются все эти три фазы. В данной статье процесс создания нового революционного права рассматривается на основе анализа правовых явлений в двух первых фазах российской революции. Главная исследовательская задача — выявить принципиальные, базовые закономерности развития права в период революций на основе российского опыта.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Историография проблемы политических и правовых изменений в период революции насчитыв-

¹ Ревуненков В. Г. История Французской революции. СПб., 2003. С. 88, 145.

² См. подробнее: Исаев И. А. История государства и права России : учебник. М., 2016. С. 542— 553.

³ Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР (далее — СУ РСФСР). 1917. № 4. Ст. 50.

⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 223.

ваает множество работ, но в контексте рассматриваемых в статье вопросов необходимо обратить внимание на две заметные публикации отечественных исследователей, в которых в той или иной степени затронуты поднимаемые в нашей статье проблемы. Это работы А. Н. Медушевского и В. М. Сырых⁵. Их объединяет исследовательский замысел — дать юридический анализ советской политической системы, процесса формирования ее юридической основы. В то же время позиции авторов на происходивший в тот период процесс формирования институциональной структуры советского государства и системы нормативно-правового регулирования различны. Точка зрения А. Н. Медушевского заключается в том, что правовым итогом развития политического процесса в России стал номинальный конституционализм (провозглашение норм, нереализуемых на практике). Формировавшаяся правовая система имела свои «классификационные» признаки: приоритет идеологии над правом, полное отсутствие реализуемого характера правовых норм, чрезвычайная гибкость правовых норм, которые могли быть наполнены любым содержанием путем их идеологического и политического толкования⁶. Авторские выводы, на наш взгляд, основаны на реальных фактах исторической действительности и объективно отражают реальные процессы, происходившие в правовой системе советского государства.

Работа В. М. Сырых имеет другой ракурс: в ней исследуется юридическая природа красного террора. С этой точки зрения подход к проблеме является, безусловно, новаторским. Соглашаясь с мнением автора в том, что террор — неизменный спутник революций, спорным остается вопрос о причинах «красавости» красного террора. В качестве таковых автор называет отсутствие адекватного правового механизма (отсутствие качественного законодательства), реализуемого к тому же лицами с полным отсутствием правового образования и правовой культуры⁷. Полагаем, что объяснить все явления, связанные с красным террором, исключительно с юридической точки зрения невозможно. Это явление имеет под собой более широкую основу — политическую, социальную,

идеологическую. Первопричина «красавости» красного террора находится все-таки во властных посылках, которые ориентировали весь репрессивный аппарат на подавление врагов любыми средствами. В центре этого «властного посыла» — устрашение. Объект устрашения — все общество. Предмет — ликвидация чужеродного элемента. Что касается плохого законодательства, то в условиях деструктивной фазы развития революции какая-либо систематическая нормотворческая работа отсутствует. Законы в истинном смысле не принимаются, в лучшем случае можно говорить о наборе методов и средств для подавления контрреволюции, построенных по принципу простой целесообразности.

Что касается «негодных исполнителей» террора, которых было более чем достаточно, в том числе и преступного элемента, — это, безусловно, фактор, усугубивший «красавость» красного террора, но далеко не определяющий. Хотя необходимо согласиться с автором в том, что малограмотные следователи из народа — бывший водопроводчик, цирковой клоун или содержатель притона, кучер, облеченные чрезвычайной властью и отправляющие «революционное правосудие», в значительной степени определяли лицо красного террора.

Второй вопрос — это вопрос об исторической полезности и необходимости красного террора, который сыграл, по мнению автора, «решающую роль в победе Советского государства над своими внутренними врагами и обеспечил формирование новой общественно-экономической формации»⁸. На этом основании ставится вопрос об исторической амнистии красного террора. Эта позиция неоднозначна. Ограничимся в данном случае лишь замечанием, что террор в исторической перспективе уязвим, поскольку он порождает иллюзию возможности разрешения его методами сложнейших проблем общества.

Наличие в литературе прямо противоположных точек зрения на развитие правовой действительности в советских реалиях свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения проблемы.

⁵ Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М., СПб., 2017 ; Сырых В. М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М., 2018.

⁶ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 612.

⁷ Сырых В. М. Указ. соч. С. 4—6.

⁸ Сырых В. М. Указ. соч. С. 50, 451.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Вернемся к закономерностям развития права в период российской революции. Исходный момент развития нового права — трансформация идеи законности: от понимания права как самоценности к пониманию его как средства достижения определенных целей. Чтобы понять мотивы трансформации, необходимо хотя бы в общей форме обратиться к теоретическим истокам того права, которое впоследствии стало правом «нового типа», существенным образом отличавшегося от традиционного права и на длительное время ставшего правовой основой советского государства. Это необходимое условие понимания логики и мотивировки действий большевиков в процессе создания и применения революционного права.

Общеизвестно, что большевизм — это родное дитя марксизма во всем, в том числе и в понимании права, и в отношении к нему. Важнейшим положением марксизма является констатация классовой природы права. В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»⁹. Классовость права затрагивала все структурные уровни права, в том числе и институциональный уровень. Парадигма «воля господствующего класса — закон» означала не только то, что воля выражается в форме закона, но и то, что она воплощается в государственно-правовых институтах, задача которых — охранять формируемые новые правовые отношения. Марксистская концепция права подводит к принципиальному выводу: «Общество основывается не на законе. Это фантазия юристов. Наоборот, закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих вытекающих из данного материального способа производства, интересов и потребностей»¹⁰. Правовые отношения и право в целом являются необходимой формой выражения и существования экономических отношений. Тезисы классиков о сущности права хотя и носят во многих отношениях гипотетический характер, но в целом опирают-

ся на достаточно очевидные факты мировой истории и представляют собой логически выстроенную концепцию.

Исходный марксистский тезис о насильственном характере пролетарской революции породил и ленинский классово-концептуальный подход к праву, опиравшийся на объективность, необходимость и закономерность прихода к власти пролетариата. Объективность и закономерность этой неизбежности порождали еще одну революционную парадигму: источником власти и ее легитимности является пролетариат. В силу этого диктатура пролетариата как определенная система власти ни в коей мере не может быть ограничена формальным законом, применение насилия ею законно и необходимо¹¹. Надо полагать, что это ключевое положение, определявшее отношение большевиков к праву и закону, сущность которого можно определить как революционно-целесообразный подход.

По своим целям и содержанию социалистическое право не может возникнуть как результат эволюции или даже трансформации старого буржуазного права. Единственный путь — решительный отказ от старого и создание нового социалистического типа права во всех его формах. И еще одно важнейшее обстоятельство, которое самым непосредственным образом сказалось на логике революционных преобразований права, — это жесткая увязка права, политики и государственной власти. То, что эти элементы связаны между собой, очевидно. Но в трактовке Ленина взаимосвязь государства, политики и права представляла собой новое, особое качественное явление. Он рассматривал право и его основное конкретное выражение, закон, как неотъемлемое орудие политики и его функцию. Ленин прямо трактует закон как меру политическую: «Закон есть мера политическая, есть политика»¹². То есть политика и право суть явление одно. В связке «политика — право» абсолютное преимущество отдавалось политике, роль права ограничивалась функцией вспомогательного средства политики. В результате стали абсолютизироваться лозунги: «благо революции — высший закон», «интересы революции — превыше всего», что вело

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Собр. соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 443.

¹⁰ Маркс К. Процесс против рейнского окружного комитета демократов // Собр. соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 259.

¹¹ Ленин В. И. К истории вопроса о диктатуре // Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1981. С. 383.

¹² Ленин В. И. О карикатуре на марксизм // Полн. собр. соч. Т. 30. М., 1973. С. 99.

к полному слиянию объективного содержания права с революционной целесообразностью. Утилитарно-политический подход к праву породил специфическую систему правовых представлений, которые коренным образом меняли классические формально-юридические представления о сущности права.

Необходимые теоретические пояснения позволяют перейти к характеристике трансформаций, происходивших в правовом пространстве советской России в период 1917—1920 гг. Первую фазу — фазу «радости и ожидания» — можно датировать с октября 1917 г. по сентябрь 1918 г., когда было принято постановление СНК РСФСР «О красном терроре»¹³.

Революционные закономерности определяли главную задачу в правовой сфере — перевод нового социального содержания в правовую плоскость. Поведение власти в первой фазе революции обуславливалось объективными и субъективными моментами. С объективной стороны ее поведение укладывалось в закономерности этой фазы. Пока большевики ведут себя довольно скромно и даже гуманно. Отменяется смертная казнь и вплоть до осени 1918 г. советская власть формально не прибегала к расстрелам по суду и без суда диссидентов, а репрессии носили мягкий характер. Так, арестованные министры Временного правительства вскоре были выпущены на свободу. Под «честное слово» не поднимать больше оружия против Советской власти отпустили участников юнкерского мятежа в Петрограде и генерала Краснова. Власть стремилась держать себя в рамках, все еще надеясь на поддержку масс и ограничиваясь принятием необходимых мер «мягко-репрессивного» характера. Первые декреты, направленные на пресечение контрреволюционной деятельности («О печати» от 27 октября 1917 г., «Об аресте вождей гражданской войны против революции» от 28 ноября 1917 г.), нельзя квалифицировать как террористические. Мягким было наказание и чиновников за саботаж советской власти. Например, Панина (бывшая товарищ министра просвещения Временного правительства), обвиняемая в утаивании 93 тыс. руб. народных денег, отчет о которых, как заявила подсудимая, она даст только Учредительному собранию, была приговорена к заключению до возврата удержанных ею денег, а за противодействие народной власти «суд ограничивается преданием гражданки

Паниной общественному порицанию». Через восемь дней деньги были внесены, и Панина оказалась на свободе.

Состояние политической эйфории, характерное для фазы «радости и ожидания», породило такое явление, как правовое «экспериментирование» в форме замены правовых норм революционным правосознанием масс. Революционное правосознание должно было заменить развалившуюся систему правового обеспечения функционирования государства. Однако вскоре становится очевидным, что бессодержательное в правовом смысле «революционное правосознание» не может заменить правовые нормы и поставить под контроль поведение населения, которое перешло в состояние массовой девиантности. Реалии жизни обусловили необходимость создания правового поля, которое бы ввело повседневность в правовые рамки, иначе вал беззакония мог поглотить власть, не дав ей встать на ноги. Власть начинает сначала приспособлять к жизни старые законы, а затем и создавать свои. Имея лишь теоретическую основу, но не имея никакого практического опыта, характерным методом государственного строительства в послеоктябрьской России для большевиков стала импровизация. Оформление нового права проходило путем издания отдельных нормативных актов. Законодательные акты назывались по-разному: обращения, воззвания, декреты, постановления, декларации. Особых различий между ними не было. Не было различий между законом и ведомственным нормативным актом. Правом издания законодательных актов обладали Всероссийский съезд Советов, ВЦИК, СНК, а с 1919 г. — Президиум ВЦИК. Правовые акты издавали также центральные органы управления. Правотворческими правами наделялись местные советы. На местах даже принимали свои уголовные и процессуальные кодексы. Такой широкий круг законодателей неизбежно породил хаос в правовом регулировании.

Новые законы создавались на основе идеи не стесненной рамками «формальной определенности» права, в котором был силен элемент «революционного творчества» и репрессивности. Следствием революционного обновления правовой системы стало отрицание системного характера права. Бытовало убеждение, что для революции вовсе не требовалось создания законченной правовой системы, достаточно

¹³ Постановление СНК РСФСР от 05.09.1918 «О красном терроре» // СУ РСФСР. 1918. № 65. Ст. 710.

иметь небольшое количество общих нормативных актов, которые бы давали принципиальные основы правовой политики. Текущую же работу выполняло бы «революционное правосознание».

Правовое «экспериментирование» и революционные радикальные лозунги поощряли активный правовой нигилизм. Право партийными функционерами воспринималось лишь как средство оформления сиюминутных организационных и политических решений, принятия необоснованных правовых актов. В этих условиях каждый партийный функционер считал себя вправе осуществлять любые действия, исходя из своих интересов и представлений. Подобное регулирование представляло собой совокупность приемов волевой регуляции деятельности людей, не имеющей ничего общего с правовым регулированием. Впрочем, данное явление можно назвать закономерностью начального периода всякой революции.

Закономерным следствием «правовой революции» является формирование революционной концепции правосудия и реформирование судебной системы. Новая судебная система должна была обеспечить реализацию революционного права и закрепить новое состояние власти. Это характерно для всех революций. Французская революция также начала преобразования с изменения системы законодательства, отправления правосудия и вынесения судебных решений.

Концептуальные представления о роли и значении судов в новой системе правовых отношений исходили из общей концепции права. Принципиальное положение заключалось в отрицании принципа независимости суда и судей. Исходя из этого базового суждения суды, по мнению В. И. Ленина, представляют собой органическую часть советской политической системы, призванные «бороться против эксплуататоров и обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины грядущих»¹⁴. Жесткая увязка права, политики и государственной власти являлась важнейшим обстоятельством, самым непосредственным образом определявшим содержание концепции правосудия. В основе теоретических рассуждений о роли судов в новом обществе ле-

жала основополагающая идея о том, что право лишь средство достижения конкретных целей революции. Исходя из тождественности содержания права и революционной целесообразности правосудие трактовалось как форма реализации революционной целесообразности. Логическим в этой концепции звучал вывод о том, что революционная целесообразность есть принцип и источник непосредственного правотворчества суда. Так, А. В. Луначарский утверждал, что «революционный класс приносит с собой новое правосознание, предчувствие новых юридических отношений и форм, находящихся в соответствии с новыми условиями жизни, несет новую судебскую совесть, новые представления о добре и зле»¹⁵.

В целом революционная концепция правосудия строилась на едином теоретическом построении: насильственное переустройство мира, отрицание объективной природы и смысла права, правосудие как форма закрепления нового состояния власти. Можно констатировать, что догматически замкнутая политическая доктрина и концепция права породили организационные и правоприменительные сбои в работе советской судебной системы. Реализация этой концепции привела к долговременным негативным последствиям по двум основным направлениям: 1) организационно-судебная система стала органической частью государственно-политической структуры и 2) жесткая политизация правосудия.

Организационные контуры новой судебной системы обозначились тремя декретами о суде. Каждый из них имел свою специфику и направление. Нормативное содержание первого декрета было минимальным. Его главная задача, по выражению П. И. Стучки, заключалась в двух положениях: «Разогнать старый суд и отменить все старые законы. И только»¹⁶. Декреты о суде № 2 и 3 были попыткой ликвидировать наиболее болезненные явления судебной системы и создать работоспособную судебную систему. Декреты в полной мере выполнили лишь задачу разрушения прежней организационной структуры. Институциональное поле и параметры судебной системы радикальным образом изменились. Законодательно закреплялось создание местных судов (общегражданских)

¹⁴ Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1974. С. 197.

¹⁵ Луначарский А. В. Революция и суд // Материалы НКЮ. Вып. 2. М., 1918. С. 12.

¹⁶ Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права : сборник статей (1917—1930). М., 1931. С. 155.

и революционных трибуналов для рассмотрения уголовных дел о контрреволюционных посягательствах. Местные суды городов и районов становились основным звеном советской судебной системы, в компетенцию которых входило рассмотрение абсолютного большинства гражданских и уголовных дел (суды общей юрисдикции). Местные суды должны были избираться на основе прямых демократических выборов населением, а до их назначения — местными Советами. Избираемость судей Советами была не просто одной из множества послереволюционных новаций, а формой отказа от принципа несменяемости и независимости судей. Кассационными инстанциями для местных судов являлись уездные и столичные съезды местных судей.

К началу 1918 г. процесс слома старой судебной системы был завершен. Однако созданная на волне революционного энтузиазма новая организационная структура была мало приспособлена к решению практических задач правосудия. Поэтому вплоть до 1922 г. в судоустройстве происходили постоянные трансформации как организационного, так и процессуального плана, говорившие о неустойчивости и несовершенстве системы. Причина заключалась в том, что процесс реформирования проходил в условиях еще не до конца сформировавшейся концепции советской правовой системы, которая существовала лишь в общих теоретических представлениях. Но неизменной оставалась концепция включенности судов в политическую систему, частью которой они стали с самого начала своей деятельности, то есть суд рассматривался исключительно как государственно-политическая структура.

Субъективная сторона поведения большевиков в первой фазе революции была связана с постепенным ухудшением общей обстановки в стране, нарастанием сопротивления им, что обуславливало постепенное ужесточение внутренней политики. Они понимают, что «правлящей партии» придется навязывать свою собственную линию в условиях отсутствия легитимности. Эта пока еще потенциальная эволюция власти от «мягкости» в первой фазе революции к «жесткости» во второй фазе носит скорее декларативный характер, показывая нарождающуюся настроенность властей к развиваю-

щимся событиям. Под воздействием событий начинают создаваться первые чрезвычайные судебные органы — революционные трибуналы. Этот специфический институт определил существование особых судов, призванных решать узкополитические задачи, направленные на подавление инсургентов. Это означало, что на смену стихийным расправам с буржуазией и разгулу толпы приходил «государственный террор» — карательная политика, осуществляемая органами государственной власти на основании соответствующей законодательной базы. Идея создания специальных судов, защищающих революцию от посягательств на нее, была почерпнута из опыта Французской революции, где 10 марта 1793 г. Конвент постановил создать Чрезвычайный уголовный трибунал без права апелляции «для всех предателей, заговорщиков и контрреволюционеров». Ему было предоставлено право судить без участия присяжных и без соблюдения обычных форм судопроизводства¹⁷. Во Франции трибунал был создан в период резкого ухудшения положения Республики.

В России также усиливалась консолидация и сопротивление антибольшевистских сил. Учтен был и «негативный» опыт Парижской коммуны 1871 г., когда чрезмерно увлекшись идеей о «высшей справедливости» и «чистой демократии» коммунары проявили мягкость, великодушие к своим классовым врагам¹⁸. Слабость репрессии по отношению к главным врагам явилась, по мнению большевиков, одной из самых крупных ошибок Парижской коммуны. Учитывая этот негативный опыт, большевики закладывали в концепцию трибуналов жесткость репрессии и быстроту самого процесса. Именно этого требовало предназначение трибуналов — быть органом быстрой расправы над контрреволюционерами. Революционные трибуналы были не обычными судами, а судами, созданными именно в целях революционного насилия, для оказания содействия «различными чрезвычайными средствами Чрезвычайной комиссии»¹⁹. Ревтрибуналы начали создаваться с января 1918 г., и с самого начала процесс их создания приобрел характер массовости, опережая создание общегражданских судов. С ноября 1917 г. по май 1918 г. вся территория РСФСР покрылась сетью трибуналов. Их было так много, что они имелись даже в селах.

¹⁷ Ревуненков В. Г. Указ. соч. С. 271.

¹⁸ Бажанов А. Т. Органы юстиции Парижской коммуны. Казань, 1971. С. 8—12.

¹⁹ Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М., 1924. С. 14.

Идея революционной жесткости ревтрибуналов была реализована в Декрете СНК «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г.²⁰ Новый вариант судебной концепции заключался в том, что народные суды — это органы правосудия, а трибуналы — органы расправы, где проблема вины, доказательств не имела значения. Карательные и процессуальные жесткости, введенные декретом (ускоренное судопроизводство, право применения высшей меры наказания, свобода в выборе мер уголовной репрессии), означали логическую трансформацию трибуналов в чрезвычайные органы. Логика трансформации определялась усложнением общей политической и военной ситуации для большевиков. Постановление НКЮ от 16 июня 1918 г. подтверждало, что революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем не связаны никакими ограничениями, за исключением тех случаев, когда в законе определена мера в выражениях: «не ниже» такого-то наказания²¹. Постановление было не только формально-инструктивным актом. Формулировка постановления от 16 июня 1918 г. о том, что трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией не связаны никакими ограничениями, означало, что трибуналам дана санкция на применение высшей меры наказания. До этого репрессивные полномочия трибуналов ограничивалась тем перечнем мер наказания, который был твердо установлен существующим законодательством о трибуналах, и в этом перечне высшая мера наказания — расстрел — отсутствовала²². Статус чрезвычайных органов был окончательно узаконен постановлением ЦИК от 17 февраля 1919 г.²³ Теперь устанавливалась смертная казнь и по закону, хотя, как известно, II съезд Советов отменил смертную казнь навсегда в любом исполнении.

Революционные трибуналы стали представлять собой особую систему судов, действовавших по своим процессуальным нормам и со своей системой наказания. Создание револю-

ционных трибуналов отражало общую закономерность всякой революции — создание особых репрессивно-карательных органов с целью проведения специальных действий уголовного преследования, направленных против инсургентов и политических диссидентов.

Революция неизбежно породила и новое право, в частности уголовное. Однако специфичность революционного нормотворчества заключалась в присутствии в нем заметной политической составляющей. Поэтому естественным порождением революции стало появление такого специфического состава преступления, как контрреволюционное преступление. Понятие контрреволюционного преступления, родившееся во времена Французской революции, было воспринято советским законодательством сразу же после прихода большевиков к власти. Юридическое возникновение контрреволюционного преступления в первый период советской власти явилось результатом реакции на возникающие проблемы. Впервые понятие мятежа и восстания было сформулировано в инструкции НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале» и циркуляре Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. Виновным в этом преступлении признавался тот, «кто организует контрреволюционные выступления против Рабоче-крестьянского правительства, участвуя в них непосредственно или в подготовительной к ним стадии»²⁴. По мере умножения форм сопротивления власти список контрреволюционных преступлений расширялся. В его состав постепенно вошли контрреволюционная агитация и пропаганда, мятеж и восстание, вредительство и др. В целом в первый период революции состав контрреволюционного преступления в уголовном законодательстве уже довольно подробно регламентировался законодательством. Был создан и механизм борьбы с контрреволюцией в лице революционных трибуналов и ВЧК. Именно на эти специфические институты возлагалась задача борьбы с контрреволюцией.

²⁰ Декрет СНК «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 471.

²¹ Постановление Народного комиссариата юстиции «Об отмене всех донныне изданных циркуляров о революционных трибуналах» // СУ РСФСР. 1918. № 44. Ст. 533.

²² Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М. [и др.] История советского уголовного права. М., 1948. С. 134—135.

²³ Постановление Центрального исполнительного комитета «О Всероссийской чрезвычайной комиссии» // СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 130.

²⁴ Известия ВЦИК. № 217. 6 октября.

Таким образом, для первой фазы революции характерна скоротечность правовых процессов, определявшаяся объективной необходимостью изменить институциональное поле публичного управления и юридически закрепить провозглашенные ценности и идеалы революции и новое качественное состояние власти. Государственное правотворчество носит еще бессистемный характер, сами правовые акты представляют собой совокупность декретивных (чрезвычайных) нормативных правовых актов, реализующих ту или иную ценностную установку революции.

Признаки наступления второй фазы ощущаются уже весной 1918 г., когда ситуация в стране начинает претерпевать серьезные изменения. Среди крестьян и рабочих зреет недовольство, начинает организовываться контрреволюция, растут хаос и преступность. Попытки вначале установить правовой порядок «вселением в народные массы идеи законности, порядка в сочетании с диктаторским применением закона» потерпели крах. Приходит осознание несостоятельности ожиданий всенародной поддержки большевиков населением, характерных для первой фазы революции. Опыт Французской революции подсказывал, что остановить развитие опасных для власти тенденций можно только одним средством — террором. Неизбежно наступала вторая фаза революции — деструктивная, когда главным вопросом становится удержание власти любой ценой. Местная власть ориентируется на проведение широкомасштабного террора. Выступая на I Тамбовской конференции большевиков в мае 1918 г., представитель московского комитета РКП (б) угрожающе заявлял: «Все должны знать, кто идет против советской власти — погибнут. Его ждет виселица и беспощадный расстрел. Вешайте, расстреливайте людей, дезорганизующих армию. Распускайте негодных, малодушных»²⁵. Появляются первые рецидивы террора в провинции. В ночь с 4 на 5 июля в Тамбове без суда были расстреляны в тюрьме 11 учащихся, арестованных в связи с контрреволюционным восстанием в городе 17—18 июня. Среди расстрелянных были и несовершеннолетние. Расстрел был произ-

веден даже без ведома губернского совета, что многими было расценено как убийство, появились требования наказать его организаторов²⁶. Первые проявления беззакония свидетельствовали о формировании необходимых для террора условий: его идеологического обоснования и произвола в реализации репрессивных мер. Произвол надо рассматривать как замену судебного решения внесудебной расправой, в основе которой лежало усмотрение отдельных лиц или группы лиц в форме самосуда. Идеологическое же обоснование террора фактически узаконивало расстрел без суда. В свою очередь, повседневность жизни быстро трансформировала самосуд в жизненную повседневность. Можно констатировать, что период от января до августа 1918 г. был периодом фактического, хотя и неофициального террора.

Характерным для второй фазы революции является гипертрофированная значимость в правовой жизни чрезвычайных органов. Во Французской революции таковыми являлись чрезвычайные трибуналы, в российской революции — ВЧК и революционные трибуналы. Уровень их значимости повышался по мере усложнения социально-политической ситуации и снижался по мере ее стабилизации. Возложение с началом массового террора обязанности исполнения исключительной меры наказания — расстрела — в административном порядке на ВЧК изменили характер ее функций. ВЧК стала органом не только розыска и дознания, но и непосредственной расправы. До этого функция ВЧК заключалась в применении исключительной меры только в отношении уголовных бандитов. Первый расстрел по уголовному делу ВЧК был произведен 26 февраля 1918 г. в отношении авантюриста, самозванного князя Эболи (он же Гриколи, Найди, Маковский, Далматов) и его сообщницы Брит за ряд грабежей, совершенных под видом сотрудников ВЧК²⁷. Начало применения расстрела за контрреволюционные преступления хронологически связывается с делом бывших офицеров лейб-гвардии Семеновского полка братьев А. А. и В. А. Череп-Спиридовичей за попытку продажи германскому правительству

²⁵ Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 8. Л. 15—19.

²⁶ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р. 5201. Оп. 2. Д. 17.

²⁷ Голинков Л. Д. Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России. 1917—1924 гг.). М., 1971. С. 69.

акций национализированных рудников на сумму 5 млн руб.²⁸ Это было расценено как государственная измена, и братья были расстреляны 31 мая 1918 г.²⁹ 21 июня перед Верховным революционным трибуналом при ВЦИК предстал бывший командующий Балтийским флотом контр-адмирал А. М. Щастный. Именно он спас остатки русского флота в Балтийском море от сдачи немецкой эскадре, приведя корабли в Кронштадт. Тем не менее он был обвинен в антисоветской деятельности и расстрелян.

Однако террор, будучи частью политики и государственной системы, создавал угрозу для самой системы. Опасность заключалась в порождаемых им негативных социально-юридических, психологических последствиях, которые стали его оборотной стороной. Широкое применение смертной казни в административном порядке и по закону по сути превратили ее из исключительной меры наказания в повседневное дело, которое не вызывало ни сожаления, ни возмущения и протестов. Парадоксальность данной ситуации объясняется наличием общих закономерностей революционного террора. Он всегда содержит две стороны: спланированный, обдуманый террор властей и эксцессы толпы. Каутский, анализируя террор Французской революции, писал: «Эксцессы исходят из самых некультурных, грубейших слоев населения, террор не осуществляется высококультурными людьми, исполненными гуманности людьми»³⁰. Аналогичный процесс наблюдался и в российской революции. Французская и российская революция подтверждают, что процесс возникновения террора имеет свои фазы и последовательность. Сначала революция сопровождается массовыми эксцессами толпы, которые трактуются как справедливый гнев народа против угнетателей. Уже на этом этапе развития у значительной части населения формируется состояние восприятия террора как необходимости, а затем и восприятие его не как исключительности, а как повседневности. Затем формируется официальная идеология террора. Как уже говорилось выше, нельзя отрицать того

факта, что ни одна значимая (и не очень) революция не обходилась без террора, который «самым решительным образом делит общества на своих и чужих, “друзей” и “врагов”, мир новой культуры и враждебный старый мир»³¹. Разница лишь в масштабах и формах насилия. Особенность российского террора состоит в массовости и жестокости форм осуществления, которые определялись высокой ставкой для большевиков — политической жизнью и властью. Особенность заключалась и в том, что он направлялся не столько на отдельных лиц, совершивших преступления, сколько на определенные, враждебные целям и идеалам революции социальные группы. В таких условиях всякая правовая деятельность в ее реальном наполнении отсутствовала. Отсутствие ясных правовых основ есть одна из причин необузданности в проведении репрессий и их массовости. Подтвердил террор и еще одну закономерность революции: наказываются не только активные контрреволюционеры, но и те, кто безразличен и безучастен к ней, те, кто уклоняется от выполнения революционного долга. «Революция карает за паразитизм, распущенность, неспособность и уклонение от выполнения социальных обязанностей, не столько аристократические классы, сколько миллионы беднейших и трудящихся классов, которые в своем пароксизме надеются раз и навсегда революционным путем покончить со своей нищетой»³².

В целом реальное содержание правотворческой и правоприменительной практики во второй фазе революции следует определить как «устрашение». Предмет «устрашения», значение «устрашения» и смысл «устрашения» заключался в сохранении власти неправовыми средствами. Политическая составляющая террора — защита власти народа. Юридическая составляющая террора сводилась к общему государственному формально-юридическому оформлению, детальной правовой регламентация отсутствовала³³.

Отсутствие индивидуализации репрессий привело к парализации системы обеспечения

²⁸ По Брестскому миру советское правительство должно было оплачивать все русские ценные бумаги, предъявленные Германией.

²⁹ Голинков Л. Д. Указ. соч. С. 70.

³⁰ Каутский К. Терроризм и коммунизм // Полис. Политические исследования. 1991. № 1. С. 139.

³¹ Исаев И. А. «Тайна беззакония», или Революционная справедливость. Часть 1 // Lex Russica. 2018. № 5. С. 43—44.

³² Сорокин П. Указ. соч. С. 270—294.

³³ Постановление СНК РСФСР от 05.09.1918 «О красном терроре».

«революционной законности» и революционного «правосудия», созданной, хотя и в примитивной форме, в первой фазе революции. Она была заменена произвольными действиями органов власти различного уровня и должностных лиц, массово злоупотреблявших правом на репрессию. Традиционные формы судопроизводства заменялись упрощенными процессуальными формами, когда не требовались свидетели, улики, защитники, предварительное следствие. Юридическая конструкция форм виновности фактически отсутствовала, как и критерий дифференциации виновности, поскольку критерии вины и противоправности сводились к классовому происхождению и преданности революции, а способы установления истины — к «классовому чутью». Основным объектом «классового чутья» являлась личность человека вне всякой связи с предъявляемыми ему обвинениями. Причем такой подход инициировался высшими органами ВЧК. Так, в инструкции ВЧК местным органам говорилось: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли обвиняемый против советской власти оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, какого он происхождения. Какое у него образование и какова его профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого»³⁴. В результате тюрьмы были забиты не столько классовыми врагами, сколько людьми из простого народа, преступление которых состояло в совершении мелких правонарушений или которые были признаны кем-то классово неблагонадежными.

Негативные последствия массового террора, который из-за отсутствия всякого государственного контроля и правового сопровождения стал приобретать черты неуправляемости и всеобщности, вынуждал власть вводить регулирующие меры в попытке если не останавливать террор, то хотя бы снизить его интенсивность. В ноябре 1918 г. VI съезд Советов поставил вопрос ограничения террора рамками «революционной законности». Общий посыл — «борьба с контр-

революцией должна вестись в строго определенных законом рамках». Всем трибуналам и народным судам предписывалось применить досрочное освобождение в самых широких размерах для тех, кто не представлял опасности для республики³⁵. В декабре 1918 г. вводились нормы, регламентировавшие процедуру ареста сотрудников советских учреждений и предприятий³⁶. Все эти меры были направлены на ограничение инициированной же властями «классовой инициативы и творческой активности масс», которая вылилась на местах в массовые эксцессы насилия, а также на восстановление утраченного государственного контроля над репрессивными структурами. Смертные приговоры, выносимые не в порядке наказания за преступления, а в порядке ликвидации чужеродного элемента, гипертрофированная роль чрезвычайных органов обозначила также явственные симптомы местного сепаратизма и двоевластия.

Предпринимаются попытки введения репрессивного судопроизводства в нормативные рамки. В январе — феврале 1919 г. ограничиваются полномочия ВЧК, сокращается их штат, ликвидируются уездные ЧК, где происходило наибольшее количество эксцессов «красного террора». Ревтрибуналам предоставлялось право проверки следственных действий ЧК и проверки законности содержания арестованных³⁷. 17 января 1920 г. отменяется смертная казнь как по постановлению ВЧК и ее местных органов, так и по приговорам революционных трибуналов, за исключением военных трибуналов³⁸. Практика применения массового террора показала, что любой террор имеет свои границы, которые не может переступить даже революционная власть.

Вторая фаза революции длилась со второй половины 1918 г. и до окончания Гражданской войны в 1921 г. Она оказала огромное влияние на развитие правовой системы страны и в краткосрочном, и в долгосрочном плане. Милитаризация жизни привела к появлению такого феномена, как «военно-советская правовая

³⁴ ГАТО. Ф. Р. 5201. Оп 2. Д. 17. Л. 61.

³⁵ Постановление IV Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов от 8 ноября 1918 г. «О революционной законности» // СУ РСФСР. 1918. № 90. Ст. 908

³⁶ Постановление Совета обороны от 14 декабря 1918 г. «О производимых Всероссийской чрезвычайной комиссией арестах ответственных служащих и специалистов» // СУ РСФСР. № 94. Ст. 941.

³⁷ Постановление Центрального исполнительного комитета от 17 февраля 1919 г. «О Всероссийской чрезвычайной комиссии».

³⁸ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 17 января 1920 г. «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)» // СУ РСФСР. 1920. № 4—5. Ст. 22.

культура». Эта культура не умерла с окончанием гражданской войны, она продолжала жить, определяя во многом правовую жизнь государства. Во второй фазе революции укрепился социологический подход к праву, ядро которого составлял тезис о том, что закон должен установить особую, жесткую модель формы отношений между большевиками и их противниками, что определило наличие в советской концепции права существенного политического компонента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революционное время — это время беспрецедентных по своим социальным и психологическим последствиям изменений, коренным образом меняющих социальную и правовую действительность. Правовые изменения периода революции носят системный характер и в целом выстраиваются в ряд закономерностей, характерных для определенных фаз революции. Анализ правовой действительности российской революции в период с октября 1917 г. по начало 1921 г. позволяет выделить некоторые из этих закономерностей:

- под воздействием политической доктрины происходит смена правовой идеологии, сопровождаемая отказом от прежнего права, ликвидацией старых правовых норм и институтов;
- законодательство на этом этапе отражает первостепенные политические устремления власти на закрепление и легитимацию политического успеха, поэтому отличается скоротечностью принятия, носит чрезвычайный и делегированный характер, не обладает системностью и последовательностью, предназначено в основном для чрезвычайных органов, его исполняющих;
- правовые отношения выстраиваются в строго вертикальном порядке, что позволяет установить политический контроль над юридическими институтами и процессами;
- правовые нормы носят классовый характер, для них характерны классовый ригоризм и революционная необходимость (революционная целесообразность), естественным порождением стало появление такого специфического состава преступления, как контрреволюционное преступление;
- революционная целесообразность фатально приводит к чрезмерной роли и значимости

чрезвычайных органов, которые наделяются полномочиями по определению мер уголовной ответственности и упрощенной процедурой их реализации, что неизбежно приводит к произвольным действиям чрезвычайных органов и должностных лиц, массовым злоупотреблениям правом на репрессию;

- критерии определения вида юридической ответственности и конкретного вида наказания исходили не из понятия деяния, умысла или небрежности, причины, обязанности, а из субъективных понятий («революционное правосознание», «классовое чутье», «классовое происхождение»). Это вело к сужению роли одного из важнейших уголовно-правового принципа индивидуальности наказания и замене его во многом коллективной ответственностью;
- в период первых двух фаз революции происходила трансформация институциональных форм взаимодействия политической власти и судов. Суды были организационно включены в однопартийную политическую систему, что привело к подчинению судей административно-партийному аппарату и деформации судопроизводства в сфере уголовного и гражданского судопроизводства. В такой форме взаимоотношений принцип независимости судей потерял практическое значение. Судьи руководствовались четкими установками: все правовые категории подчинены партийным нормам и допустимы до тех пор, пока не противоречат партийным ценностям. Если они вступают в противоречие с этими нормами и ценностями, то они либо отрицаются, либо запрещаются. Очевидно, что советская модель правосудия в определении ее задач, принципов судостройства и функционирования, осуществления карательной политики соответствовала модели Советского государства. Определяющими ее функциями в этой модели были реализация политической доктрины юридическими средствами и охрана системы;
- на определенном этапе революция переходит к террору как внеправовой форме удержания власти. Террор приводит к парализации системы обеспечения «революционной законности» и революционного «правосудия», созданной в первой фазе революции. В условиях отсутствия четкой нормативной базы террор приобретает характер неструктурированного насилия, которое не имеет

- четко установленных правил, спонтанно и непредсказуемо по своим последствиям. Это явление следует рассматривать и как общую закономерность любой значимой революции, и в дискурсе формирующего метода достижения политических целей;
- скоротечность и массовость революционных изменений определяет отсутствие процессуального порядка принятия нормативных актов. Они, как правило, вытекают из фактов политической, экономической и другой действительности, представляют собой формально юридические формы решения возникающих тех или проблем путем жесткого государственного принуждения;
 - правовые нормы носят непостоянный характер, относительно, изменяемы и условны. Ряд правил, целесообразных при одних обстоятельствах, становятся бесполезными или даже вредными при других. Поэтому законы часто менялись, процедуры и правила были гибки, изменяемы и свободны от жесткой формальности. Это свойство реализовывалось в форме обязательных для исполнения руководящих указаний вышестоящих органов и руководящих лиц (инструкции, директивы, циркуляры), заменявшие юридические правила и нормы.

Закономерности социальных революций проявляются не только в социальной, экономических сферах, но и в правовой сфере. Как и другие, правовые закономерности сопровождают революцию на всех ее этапах, трансформируя и легитимируя правовыми средствами коренные общественные изменения. Правовые закономерности имеют двойственный характер. С одной стороны, они результат проявления революционных политико-правовых доктрин и концепций. С другой стороны, они рождаются из конкретных социально-политических условий прохождения революционных

процессов, которые порождают правовую действительность, типы и особенности политико-правовых учреждений на различных фазах революции.

Правовое развитие соответствует темпу революции и носит кумулятивный характер — быстрый уход правовой системы от ее дореволюционного состояния посредством последовательного проведения комплекса правовых реформ. Правовые проявления синхронны с фазами революции, уровень организации и принципы функционирования правовой системы соответствуют революционным фазам и качественно отличаются друг от друга.

В первых двух фазах революции новая система права не приобрела стабильности во всех своих компонентах, она воплотила в себе лишь некоторые из базовых идеалов революции. Стабильность наступила в третьей фазе революции, когда произошла в определенной степени «реставрация» прежней системы права. Все это требует отдельного исследования.

Разумеется, нельзя определить точную симметрию общих революционных процессов и правовых процессов, тем не менее некоторые модели соотношения и специфические черты можно выделить и охарактеризовать. Применительно к фазам российской революции в самом общем виде их можно охарактеризовать как темповые, принудительные и долговременные перемены. По характеру изменений они были тотальными и вели к созданию принципиально новой структуры права. Парадигма нового права — классовый интерес.

В конечном счете каждая революция сопровождается и революцией права, поскольку именно право воплощает в себе идеалы, цели революции и обеспечивает их жизнеспособность. Не была исключением в этом смысле и российская революция.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бажанов А. Т.* Органы юстиции Парижской коммуны / под ред. В. И. Адо. — Казань : Изд-во Казанского университета, 1971. — 138 с.
2. *Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М.* История советского уголовного права. — М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — 466 с.
3. *Голинков Л. Д.* Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России. 1917—1924 гг.). — М. : Политиздат, 1971. — 368 с.
4. *Исаев И. А.* История государства и права России : учебник. — М. : Норма, Инфра-М, 2016. — 800 с.
5. *Исаев И. А.* «Тайна беззакония», или Революционная справедливость. Часть 1 // *Lex Russica*. — 2018. — № 5. — С. 33— 50.

6. Каутский К. Терроризм и коммунизм // Полис. Политические исследования. — 1991. — № 2. — С. 146—154.
7. Ленин В. И. К истории вопроса о диктатуре // Полное собрание сочинений. — М.: Изд-во политической литературы, 1981. — Т. 41. — 696 с.
8. Ленин В. И. О карикатуре на марксизм // Полное собрание сочинений. — М.: Изд-во политической литературы, 1973. — Т. 30. — 561 с.
9. Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. — М.: Изд-во политической литературы, 1974. — Т. 36. — 741 с.
10. Луначарский А. В. Революция и суд // Материалы НКЮ. — Вып. 2. — М., 1918. — 102 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Собрание сочинений. — 2-е изд. — М.: Изд-во политической литературы, 1955. — Т. 4. — 615 с.
12. Маркс К. Процесс против рейнского окружного комитета демократов // Собрание сочинений. — 2-е изд. — М.: Изд-во политической литературы, 1957. — Т. 6. — 761 с.
13. Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 656 с.
14. Ревуненков В. Г. История Французской революции. — СПб.: Изд-во СЗАГС; Образование — Культура, 2003. — С. 776.
15. Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. — Л.; М.: Государственное издательство, 1925. — 276 с.
16. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
17. Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сборник статей, 1917—1930. — М.: Государственное юридическое издательство, 1931. — 333 с.
18. Сырых В. М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 472 с.
19. Шаргородский М. Д. Уголовный закон. — М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — 311 с.

Материал поступил в редакцию 5 июля 2018 г.

LAW IN THE ERA OF REVOLUTIONS: PATTERNS OF EVOLUTION AND DEVELOPMENT. THE 100TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION

NIKULIN Victor Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Tambov State Technical University (TSTU)
victor.nikulin@mail.ru
393023, Russia, Tambov, Pionerskaya ul., d. 5

Abstract. *The paper deals with the process of changing the pre-revolutionary system of legal relations and institutions to a new legal order, the main purpose of which was to consolidate the new state of power established in Russia after October 1917. The main research task is to identify the fundamental, basic laws of the development of law in the period of revolutions based on the Russian experience.*

It is emphasized that at the initial stage of the revolution the old legal forms were mixed with the new ones, the old law continued to exist in legal practice. Even in the face of radical changes, it is impossible to carry out transformations simultaneously and everywhere. For some time, there is a force of inertia, when the old state-legal forms continue to operate.

A number of basic conceptual provisions are substantiated. First, the legislation at the first stage of the revolution reflects the primary political aspirations of the authorities to consolidate and legitimize political success, therefore, it is characterized by the transience of adoption, does not have a system and consistency, and is intended mainly for the emergency bodies that implement it. Second, legal norms are class-based, characterized by class-based rigor and revolutionary expediency, synonymous with revolutionary legitimacy. Third, revolutionary expediency leads fatally to the excessive role and importance of emergency organs, leading to their arbitrary actions and massive abuse of the right to repression. Fourthly, the Soviet model of justice in determining its tasks, principles of judicial system and functioning, implementation of punitive policy corresponded to the model of the Soviet state. Its defining function in this model was the function of the implementation of political doctrine by legal means and the protective function of the system.

All phenomena in the legal sphere of Russia are considered in the period from October 1917 to the end of 1920.

Keywords: *revolution, power, political doctrine, law, law, legitimacy, legal theory, legal revolution, revolutionary expediency, revolutionary sense of justice, revolutionary rule-making, revolutionary justice, terror, emergency authorities, emergency legislation.*

REFERENCES

1. Bazhanova A.T. *Organy yustitsii Parizhskoy kommuny* [Justice of the Paris commune]. Edited by V.I. Ado. Kazan: Kazan University publ., 1971. 138 p.
2. Gertesnzon A.A., Gringauz Sh.S., Durmanov N.D., Isaev M.M. *Istoriya Sovetskogo ugovnogo prava* [The History of Soviet criminal law]. Moscow: Yurid. izd-vo myu sssr [Publishing house of the USSR Ministry of Justice], 1948. 466 p.
3. Golinkov L.D. *Krakh vrazheskogo podpolya (iz istorii borby s kontrrevolyutsiei v Sovetskoj Rossii. 1917—1924)* [Collapse of the enemy underground (From the history of the struggle against the counter-revolution in Soviet Russia. 1917—1924)]. Moscow: Politizdat Publ., 1971. 368 p.
4. Isaev I.A. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnik* [History of state and law of Russia: A Textbook]. Moscow: Norma, Infra-M Publ., 2016. 800 p.
5. Isaev I.A. «*Tayna bezzakoniya*», ili *revolyutsionnaya spravedlivost. Chast 1* [“The mystery of lawlessness,” or Revolutionary justice. Part 1]. LEX RUSSICA. 2018. No. 5. Pp. 33— 50.
6. Kautskiy K. *Terrorizm i kommunizm* [Terrorism and communism.]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Study]. 1991. No. 2. Pp. 146—154.
7. Lenin V.I. *K istorii voprosa o diktature. Polnoe sobranie sochineniy* [On the History of Dictatorship. Complete works]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury [Publishing house of political literature], 1981. Vol. 41. 696 p.
8. Lenin V.I. *O karikature na marksizm. Polnoe sobranie sochineniy* [On the caricature of Marxism. Complete works]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury [Publishing house of political literature], 1973. Vol. 30. 561 p.
9. Lenin V.I. *Ocherednye zadachi sovetskoj vlasti. Polnoe sobranie sochineniy*. [The next tasks of the Soviet power. Complete works]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury [Publishing house of political literature], 1974. Vol. 36. 741 p.
10. Lunacharskiy A.V. *Revolutsiya i sud. Materialy NKYu* [Revolution and Trial. People’s Commissariat of Justice Documents. Vol.2]. Moscow, 1918. 102 p.
11. Marx K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoy partii. Sobranie sochineniy* [Manifesto of the Communist party. Collected works]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury [Publishing house of political literature], 1955. Vol. 4. 615 p.
12. Marx K. *Protsess protiv reynskogo okruzhnogo komiteta demokratov. Sobranie sochineniy* [The trial against the Rhenish district Committee of Democrats. Collected works]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury [Publishing house of political literature], 1957. Vol. 6. 761 p.
13. Medushevskiy A.N. *Politicheskaya istoriya russkoj revolyutsii: normy, instituty, formy sotsialnoy mobilizatsii v XX veke* [Political history of the Russian revolution: standards, institutions, forms of social mobilization in the twentieth century]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Center for the humanities initiatives], 2017. 656 p.
14. Revunenkov V.G. *Istoriya frantsuzskoj revolyutsii* [History of the French revolution]. St. Petersburg: Izd-vo SZAGS; Obrazovanie — Kultura [ZAGS Publishing House; Education — Culture], 2003. P. 776.
15. Reisner M. *Pravo. Nashe pravo. Chuzhoe pravo. Obshchee parvo* [Law. Our law. Foreign Law. Common Law]. Leningrad; Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo [State Publishing House], 1925. 276 p.
16. Sorokin P. *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo* [The Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat Publ., 1992. 543 p.
17. Stuchka P.I. *13 let borby za revolyutsionno-marksistskuyu teoriyu prava: sbornik statey, 1917—1930* [13 years of struggle for the revolutionary-marxist theory of law: collection of papers, 1917—1930]. Moscow: Gosudarstvennoe yuridicheskoe izdatelstvo [State Legal Publishing House], 1931. 333 p.
18. Strykh V.M. *Krasnyy terror: kanony bibleyskie, da ispolnenie plebeyskoe* [Red terror: Biblical Canons, but Plebeian Execution]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2018. 472 p.
19. Shargorodskiy M.D. *Ugovnnyy zakon* [Criminal Law]. Moscow: Yurid. izd-vo MYU SSSR Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice, 1948. 311 p.